

ГЛАВА первая

Все начинается со спора.

— Эбби, да я на сто процентов больше ирландка, чем ты, — так завязывается тот спор, когда Конни — которая, надо признать, обладает рыжими волосами — бросает мне вызов за обеденным столом.

— Рыжие волосы — не гарантия ирландского происхождения, — отмечаю я, набивая рот острыми «Читос». — А мои бабушка с дедушкой со стороны папы застали годы гниющей картошки в Ирландии*.

— Вот только среди вас, включая трех гремлинов, которых ты зовешь младшими братьями, — ни одного рыжего, — отвечает Конни, едва не пролив чили на учебники, которые она разложила на столе.

— На этот раз пронесло, да? — дразню я.

Конни слегка пинает меня под столом. Я бы чувствовала себя хуже из-за этого, не будь она такой сногшибательно красивой, что ее принимали за актрису, играющую Сансу Старк, причем так много раз, что не сосчитать на пальцах одной руки — впечатля-

* Имеется в виду Великий картофельный голод в Ирландии 1845–1849 гг., спровоцированный массовым заражением картофеля патогенными микроорганизмами. В результате голода погибло около миллиона человек, а население Ирландии сократилось на 20–30 процентов. Множество коренных ирландцев эмигрировало из страны в те времена. (Здесь и далее — прим. перевод.)

ющее достижение, учитывая, что мы живем в пригороде Сиэтла, за невесть сколько миль от любой знаменитости, кроме Билла Гейтса.

— Не то чтобы я поддерживаю всю эту англо-саксонскую чепуху...

Я вздрагиваю, и чили Конни немедленно оказывается на ее книгах. Она начинает оттирать бобы с той, на которой красуется красноречивый заголовок: **«ГРЕБАННЫЙ AP GOV*! ЧТОБ! ТЕБЯ! СУКА!»**, — без единой угрозы в мой адрес, что лишний раз доказывает, как упорно она притворяется, будто между мной и Лео ничего не происходит.

— ...а я вот собираюсь сдать один из тех ДНК-тестов, — бормочет Лео, садясь рядом с Конни со своим ланч-боксом.

— О, правда? — спрашиваю я, наклонившись через весь стол и уставившись ему в глаза.

Лео — связующее звено нашего трио, он знает нас обоих с самого детства: меня, потому что мы живем в одном районе, а Конни — благодаря молодежной футбольной команде. Так что мы общаемся достаточно долго, чтобы понимать, насколько это важный вопрос для него. Лео и его сестра — приемные дети с Филиппин, и им почти ничего не известно о биологических родителях, хотя до этого момента Лео, казалось, не проявлял никакого желания узнать об этом.

Но у нас теперь идут занятия по антропологии, и мы с головой погружены в проект, изучая, как отследить и обозначить линию родословной на наших генеалогических древах. Поэтому и ирландские корни, которыми мы с Конни так увлеклись, и, по всей

* AP GOV (AP U.S. Government and Politics) — продвинутый курс «Правительство и политика США», который изучают в старших классах американские школьники.

вероятности, возникший интерес Лео к возможности найти своих родных.

— Ага. Ну, я больше всего хочу узнать о своем здоровье, остальное меня не так интересует, — пожал плечами Лео.

Мы знаем, что это лишь отчасти правда, но Конни опережает меня и с иронией спрашивает:

— О здоровье?

— А еще с помощью него можно найти других биологических членов семьи, если они тоже сдали тест, — торопливо говорит Лео, обращаясь будто к своему ланч-боксу с джамбалайей*, а не к нам.

Прежде чем мы успеваем задать вопросы, он спешно добавляет:

— В любом случае, у них есть скидка при заказе больше одного теста. Если хотите, я могу заказать и вам, а вы потом вернете мне деньги.

Конни убирает гору учебников со стола, чтобы расчистить место для обеда Лео, который представляет собрание несочетаемых деликатесов, оставшихся после его кулинарных приключений на выходных.

— Знаешь, а я скопила немного денег в магазинчике мороженого.

Я морщу нос. Нам всем известно, что у меня есть сбережения, собранные благодаря работе няней вышеупомянутых братьев-гремлинов во время пятничных вечеров, когда родители уходят отдохнуть. Но я давно приглядела новенький объектив для моей камеры, которую зову Китти, и как одержимая отслеживаю цены на него в интернете.

Лео встречается со мной взглядом. Таким я не видела его последние несколько месяцев. По крайней мере, с того Большого Неловкого Инцидента — в просто-

* Джамбалайя — блюдо креольской кухни на основе риса.

речии известного как БНИ — который я все еще пытаюсь стереть из памяти. Что бы там ни читалось в его взгляде, я сразу понимаю, что дело вовсе не в скидке.

— Ага, что ж, давайте сделаем это.

— Чур, проигравший печет содовый хлеб, — ухмыляется Конни.

Лео, единственный из нас, кто умеет готовить, тут же оживляется:

— А я помогу проигравшему.

Мы с Конни жмем друг другу руки, а Лео начинает говорить что-то о сочетании содового хлеба с вишней, шоколадом и корицей, и наше пари вступает в силу как раз в тот момент, когда звенит звонок, сообщая об окончании ланча.

Сказать по правде, через несколько часов после того, как мы плюнули в пробирки и отправили наши ДНК на экспертизу, вся эта история вылетела из моей головы. Есть же низкие оценки, которые нужно исправлять, бесконечные дополнительные занятия, которые приходится посещать, и волнующиеся за тебя родители, от которых приходится увиливать. К тому же, когда Лео сосредоточился на подготовке к выпуску, а Конни — на внеклассных занятиях, количество которых не сосчитать на пальцах обеих рук и ног, мы словно оказались на разных планетах.

Однако месяц спустя вот оно: письмо на моей электронной почте с ссылкой на сайт, который, вероятно, знает обо мне больше, чем я сама за шестнадцать лет.

Я скролю страницу вниз, замороженно изучая данные. Они показывают, что я, скорее всего, брюнетка (в точку!), у меня волнистые волосы (определенно в точку!), есть склонность к монобровности (обидно, но в точку!). Также, судя по всему, я не страдаю от непереносимости лактозы, не имею проблем

со сном и склонна краснеть при употреблении алкоголя (беру на заметку, пригодится в колледже). А еще тут сказано, что я на тридцать пять и шесть десятых процента ирландка — факт, который я отмечаю для себя, чтобы в нужный момент сразить им Конни.

Изучение всей этой информации внезапно прерывает жужжание телефона. Сообщение от Лео прилетает в наш общий чат: *«Результаты ДНК пришли. Полный ноль»*.

Из настроения сообщения без дальнейших объяснений ясно, что мы все собираемся у Лео. И все же я жду несколько минут, кладу Китти в чехол и закидываю в рот жвачку, давая фору Конни, чтобы она смогла догнать меня, и мы пришли одновременно.

— Куда это ты собралась, детка?

Позвольте уточнить: поскольку папа последние несколько месяцев стал часто работать из дома, я научилась прекрасно понимать его родительский жаргон. В данном случае «куда это ты собралась, детка» означает: *«я догадываюсь, что ты еще не переписала то эссе по английскому, которое завалила, и непременно воспользуюсь этим моментом, чтобы заботливо, но тем не менее в пассивно-агрессивной манере напомнить тебе об этом»*.

Я изо всех сил держусь, чтобы мои глазные яблоки оставались неподвижными, насколько это вообще возможно, хотя от борьбы с желанием закатить глаза мозги плющатся.

— К Лео.

И тут папа натягивает одну из его учтиво-виноватых улыбок, а я готовлюсь к привычному переключению темы разговора на распорядок дня, который мои родители год за годом совершенствовали еще со времен начальных классов, когда мой средний бал стремительно рухнул вниз.

— А как там наш Распорядок Эбби?

Ах да. Злополучный Распорядок Эбби. Это милое словосочетание включает в себя кучу дел, которые, кажется, никогда не заканчиваются: изнурительные дополнительные занятия, на которые меня записали родители, групповые встречи для подготовки к SAT*, куда меня заставляют ходить, мой гигантский список домашки, красующийся на белой доске на кухне (мне нравится называть ее доской позора).

Добавлю им очки за креативность, если не за изощренность.

— Пап. До летних каникул всего пять дней. Я готова.

Он вскидывает брови и все-таки добивается своего — на меня накатывает чувство вины. И дело не в том, что я переживаю из-за раздражающего Распорядка Эбби, а в том, каким откровенно измученным выглядит папа.

— Я *буду* готова, — уточняю я. — Но ведь сегодня суббота. По субботам незаконно обсуждать домашку.

— Сказала дочь двух адвокатов. — Он сдержанно улыбается, но этого недостаточно, чтобы я почувствовала, что отделалась от него.

Я сдуваю с лица выбившуюся прядь волос.

— Я уже написала другой черновик, доволен? Потратила на это полдня. А теперь можно я пойду и посмотрю на солнце, пока оно не поглотило землю?

Он одобрительно кивает.

— Мы проверим его, когда ты вернешься домой.

Я так радуюсь успешному побегу из тюрьмы, что почти прожигаю асфальт скейтом, пока еду к Лео. И только когда останавливаюсь и, сняв шлем, трясу

* SAT — стандартизованный тест для приема в высшие учебные заведения в США

кудрями, вижу сообщение от Конни, которая снова задерживается на собрании, проводящемся Ассоциацией школьного самоуправления, иными словами, она бросила меня.

— Вот дерьмо.

Случись такое несколько месяцев назад, остаться с Лео один на один означало бы обычные субботние посиделки. Но сейчас не несколько месяцев назад. Сейчас — это сейчас, черт возьми, и я как идиотка стою на дорожке, ведущей к его дому, а тень БНИ подползает ко мне, как унижительный, окутанный феромонами призрак.

Но, прежде чем я успеваю придумать, что делать, Лео замечает меня и открывает входную дверь.

— А нас ждет не просто день!

Вместо прозвищ Лео обычно использует выражения со словом «день», которое созвучно моей фамилии.

Я уже собираюсь закатить глаза, но замираю, глядя на него, стоящего в дверном проеме — заходящее солнце отбрасывает теплые блики на его лицо, окрашивая глаза в медовый оттенок и поблескивая в темных волосах. Мне не терпится узнать, как он будет выглядеть через объектив моей камеры — это непреодолимое желание, с которым я еще не очень знакома. Я почти не фотографирую людей.

На самом деле, в последние дни родители так загрузили меня, что я почти ничего не фотографирую.

Выражение лица Лео начинает меняться, вероятно, оттого, что я слишком долго на него смотрю. Я резко отвожу взгляд и делаю мэнуал* на скейте, подкатываясь к его крыльцу.

* Мэнуал — трюк, основанный на балансировании на одной из колесных осей скейтборда.

— Выпендрежница, — говорит он.

Я останавливаюсь у двери и показываю ему язык. Какое облегчение — снова непринужденно общаться, но Лео резко обрывает мое радостное настроение вопросом:

— А где Конни?

— Занята последними приготовлениями к завтрашнему Дню мойки клавиатур, они собирают средства для младших классов.

— Мойка клавиатур? — Лео — выпускник, и все его друзья (кроме нас с Конни) — тоже, так что он не в курсе половины наших дел. — Это что-то вроде автомойки, только для клавиатур?

— Я видела, что ты используешь свою как тарелку, так что тебя я тоже, пожалуй, впишу.

Я прохожу в дом вслед за ним, вдыхая аромат теплого масла и подгоревшего сыра, а еще, конечно, едва уловимый запах корицы. Лео включает свет в прихожей, который освещает шаткую башню из сковородок, кастрюль и упаковок со всевозможными ингредиентами, втиснутых на малюсенькой столешнице на кухне. На обеденном столе пристроился его ноутбук со светящимся экраном. Становится ясно, что его родителей и сестры Клары, должно быть, нет дома.

И только я собираюсь спросить у него про результаты ДНК-теста, как он пихает мне в лицо тарелку.

— Шарики лазаньи?

Я достаю из кармана обертку и заворачиваю в нее жвачку.

— Конечно, черт возьми!

— Осторожно, они... горячие, — говорит Лео со вздохом, глядя, как я, проигнорировав его предупреждение, закидываю угощение в рот.

У меня немедленно начинает гореть небо, но это не мешает мне заметить, что блюдо невероятно вкус-

ное. Легендарные шарики лазаньи — одно из решений Лео, позволяющих ему готовить что-то на этой кухне. Он стал настоящим кулинарным снобом и перестал доверять примитивной духовке, поскольку сомневается, что она способна поддерживать нужную температуру, поэтому обзавелся высококлассной электропечью. Отсюда и куча рецептов, предполагающих кукольные порции, которых хватает на один укус, от чего я чувствую себя так, словно нахожусь на кулинарном шоу, хотя на самом деле застряла в глубинке Сиэтла.

— Ты в порядке? — спрашивает он с обычным для него беспокойством.

— Ты мог бы заглянуть к нам, — говорю я, и рикотта вполне логично выскакивает из моего рта. Одна из причин, почему Лео совершенно очарован семьей Дэй — наша огромная кухня. И хотя мы ценим дополнительное пространство на столешнице, куда мы можем положить несколько коробок пиццы из Domino's во время наших диких ужинов, никто в нашей семье не готовит. А вот Лео, напротив, можно назвать Иной Гартен* нашей старшей школы, и ему необходимо пространство, чтобы воплотить свои кулинарные мечты (и будем честны, истошные вопли братьев Дэй о его пицце с шестью сырами только тешат его самолюбие).

Не то чтобы Лео часто заходил в гости в последнее время. Нам теперь неловко оставаться наедине. Но как бы мне ни хотелось поддержать его, я ничего не могу с собой поделать: мой взгляд невольно скользит в сторону двери в ожидании, что появится Конни и заполнит неловкую тишину.

* Ина Гартен — писательница кулинарных книг и ведущая кулинарного телешоу в Америке.

— Это Китти? — спрашивает Лео, глядя на чехол для камеры.

И снова — щемящее чувство паники, сменяющееся облегчением. Чувство, колеблющееся на грани между *«все ли у нас в порядке?»* и *«вроде у нас все хорошо»*.

— И все ее девять жизней.

— Сейчас, наверное, их осталось около шести, — замечает Лео.

Он-то знает — ведь это Лео придумал камере имя, после того как она пережила несколько трагических падений, едва не оказавшись в луже, когда мне показалось, что круто будет запечатлеть закат сквозь железные прутья спортивной площадки, повиснув вниз головой. Но в результате я лишь набрала полный рот резиновой крошки, поцеловав покрытие площадки.

— Не возражаешь? — спросил он.

Я опускаю голову, скрывая улыбку, когда вынимаю Китти из чехла. Лео протягивает руки над моей головой, чтобы достать из шкафа красивые белые тарелки своей мамы, и я начинаю раскладывать на них шарики лазаньи. На какое-то время мы погружаемся в легкую тишину, и я почти забываю, как сильно мне хочется, чтобы Конни была здесь. Я делаю несколько снимков творений Лео, он скачивает и публикует фото в инстаграме*, а потом эти кулинарные творения отправляются в мой желудок.

У него есть привычка — загружать и мои остальные фотографии. Я совершенно не ожидаю этого сегодня, и тем не менее, к моему удивлению, Лео протягивает руку, чтобы взять Китти. Я стараюсь не смотреть в его сторону, когда он листает снимки,

* Здесь и далее: организация, запрещённая на территории РФ.

сделанные с крыши офиса моей мамы в Сиэтле — я запечатлела предзакатный горизонт, пронзенный башей Спейс-Нидл на фоне тяжелых облаков.

Я встаю на цыпочки, вглядываясь в экран. Моя голова едва касается его плеча — мы так близко, что пьянящий аромат корицы распространяется в воздухе вокруг меня, согревая легкие.

Визитная карточка Лео — класть корицу во все: кексы, буррито, пудинг, сыр на гриле. Даже когда она не сочетается с остальным блюдом, он все равно ее добавляет. Я помню, что со времен нашего детства от него всегда пахло так, словно он катался по витрине пекарни «Корица».

Он останавливается на одном снимке, наклоняя камеру, чтобы мне было лучше видно. Лео утверждает, что не разбирается в фотографии, но из дюжины фотографий, которые я сделала, он выбрал мою любимую — ту, где тени немного резче в тот самый момент, когда солнце вот-вот выглянет из-за облака.

Я поднимаю взгляд, чтобы одобрительно кивнуть, но он, оказывается, пялится на меня. Наши взгляды встречаются, и в его глазах есть что-то мягкое, что притягивает меня. Вдруг он скользит по моему подбородку своими теплыми пальцами. Мое дыхание беспомощно трепещет в груди, выдерживая меня из реальности, и я утопаю в глубине чего-то, что назревает в глазах Лео.

— Ты, эм... у тебя там пятнышко от сыра, — говорит он. — На твоём...

Я касаюсь лица в том месте, где он провел рукой. Такое ощущение, будто там бьется мой пульс.

— Ой.

— Ну так я публикую?

Я пытаюсь снова взглянуть в его глаза, и когда мне удастся, все, что я замечаю, — медово-коричне-

вый цвет радужки. Можно подумать, что у меня достаточно опыта работы с камерой, чтобы понимать, когда какое-то явление — всего лишь игра света, но я не могу смириться с чувством разочарования.

— Да, если хочешь, — говорю я, отстраняясь от него и его осеннего запаха и направляясь к столу.

Лео откашливается.

— Вот и славно.

Какое-то время он загружает фотографии на отдельную страницу в инстаграме, которую завел специально для меня, несмотря на то что от этой затеи я чувствую себя слегка не в своей тарелке. Но он продолжает убеждать меня, что неплохо было бы обзавестись подписчиками, создать портфолио и общаться с другими фотографами, как он и его друзья из лагеря делают это с помощью своих аккаунтов. Но правда в том, что я боюсь делиться своими снимками с кем-то. Мысль, что люди будут смотреть на мои работы, вызывает во мне чувство, будто я предстаю перед ними абсолютно голая, поэтому я даже не захожу на этот аккаунт.

К тому же, если кто-то действительно следит за ним, уверена, им чертовски скучно, ведь большинство моих фотографий за последний год — это одни и те же места, так как учебный поводок, на который меня посадили родители, с каждым днем затягивается все туже. И даже будь это не так, я все равно никуда не выбираюсь в последнее время. Фотография была нашим общим увлечением с Поппи. И куда труднее выбираться из зоны комфорта без моего напарника.

Спустя один виртуозный снимок комка из лапши и сыра и миллион хэштегов пост красуется в инстаграме, а большая часть шариков лазаньи теплеет в моем животе. Лео сидит на диване, наблюдая, как набираются лайки, а я присаживаюсь на подлокот-